

Сергей МИХАЛКОВ

СТИХИ



БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 47—48
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946

Сергей МИХАЛКОВ

С Т И Х И

Издательство «Правда»

Москва — 1946

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Сергей Владимирович Михалков родился в 1913 году в Москве. Первое стихотворение поэта — «Дорога» — напечатано в 1928 году в журнале «На подъёме» в Ростове на Дону.

В 1936 году в «Библиотеке «Огонёк» вышла первая книжка стихов Михалкова, и в этом же году опубликована весёлая поэма для детей «Дядя Стёпа».

С. В. Михалков известен читателю не только как автор многих стихов, басен и пьес для детей, но и как один из авторов текста государственного гимна Союза ССР.

В 1939 году поэт был награждён орденом Ленина, дважды — в 1941 и 1942 годах — удостоен звания лауреата Сталинской премии. Орденами Красного знамени, Красной звезды и четырьмя медалями отмечена работа поэта в дни Великой Отечественной войны.

БЫЛЬ

Эту быль пишу я детям...

Летней ночью, на рассвете,
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских,
Это значит — против нас.

Он хотел людей свободных
Превратить в рабов голодных,
Навсегда лишит всего,
А упорных и восставших,
На колени не упавших,
Истребить до одного!

Он велел, чтоб разгромили.
Растоптали и сожгли
Всё, что дружно мы хранили,
Пуще глаза берегли.

Чтобы мы нужду терпели,
Наших песен петь не смели
Возле дома своего,
Чтобы было всё для немцев,
Для фашистов-иноземцев,
А для русских и для прочих,
Для крестьян и для рабочих —
Н и ч е г о !

«Н е т! — сказали мы фашистам, —
Не потерпит наш народ,
Чтобы русский хлеб душистый
Назывался словом «брот».

Мы живем в стране советской,
Признаём язык турецкий,
Итальянский, датский, шведский
И китайский признаём,
И английский, и французский,
Но в родном краю по-русски
Пишем, думаем, поём.

Мы тогда лишь вольно дышим,
Если речь родную слышим,
Речь на русском языке,
И в своей столице древней,
И в посёлке, и в деревне,
И от дома вдалеке».

Где найдётся в мире сила,
Чтобы нас она сломила,
Под ярмом согнула нас
В тех краях, где в дни победы
Наши прадеды и деды
Пировали столько раз?

Видно, немцы позабыли,
Сколько раз мы немцев били,
Позабыли, как и где,
Что вступили в бой кровавый
С нашей вольною державой,
В бой на суше и воде...

И от моря и до моря
Поднялись большевики,
И от моря и до моря
Встали русские полки.

Встали, с русскими едины,
Белоруссы, латыши,
Люди славной Украины,
И армяне, и грузины,
Молдаване, чувашаи —
Все советские народы
Против общего врага,

Все, кому мила свобода
И Россия дорога!

И когда Россия встала
Против немца в грозный час,
«Всё — на фронт!» — Москва сказала.
«Всё дадим!» — сказал Кузбасс.
«Никогда, — сказали горы, —
Не бывал Урал в долгу!»
«Хватит нефти для моторов,
Помогу!» — сказал Баку.

«Я богатствами владею,
Их не счесть, хоть век считай!
Ничего не пожалею!» —
Так откликнулся Алтай.

«Мы оставшихся без крова
В дом к себе принять готовы,
Будет кров сиротам дан!» —
Обездоленных встречая,
Казахстану отвечая,
Поклялся Узбекистан.

«Будет каждый верный воин
И накормлен и напоен,
Всей страной обут, одет».
«Всё — на фронт!» — Москва сказала.
«Всё, — страна ей отвечала, —
Всё — для будущих побед!»

Дни бежали и недели,
Шёл войне не первый год.
Показал себя на деле
Богатырский наш народ.

Не расскажешь даже в сказке
Ни словами, ни пером,
Как летели с немцев каски
Под Москвой и под Орлом.

Как, на запад наступая,
Бились красные бойцы —
Наша армия родная,
Наши братья и отцы.

Как сражались партизаны,
Как стояли, как стоят
И залечивают раны
Боевые великаны —
Ленинград и Сталинград.

Не опишешь в этой были
Всех боёв, какие были.
Немцев били — там и тут.
Как побили, — так салют!

Из Москвы салюты эти
Были всем слышны на свете,
Слышал их и друг и враг.
Раз салют, — то значит это:
Над какой-то крышей где-то
Снова взвился красный флаг.

Слава нашим генералам,
Слава нашим адмиралам
И солдатам рядовым:
Пешим, плавающим, конным,
В жарких битвах закалённым!
Слава павшим и живым,
От души спасибо им!

Не забудем тех героев,
Что лежат в земле сырой,
Жизнь отдав на поле боя
За народ — за нас с тобой...

Где бы мы врага ни били,
Где бы враг ни отступал,
Вспоминал всегда о тыле
Наш солдат и генерал:

«Да!

Нельзя добить фашистов
И очистить мир от них
Без московских трактористов,
Без ивановских ткачих,
Без того, кто днём и ночью
В шахтах уголь достаёт,
Сеет хлеб, снаряды точит,
Плавит сталь, броню куёт.

Без ружья и без гранаты,
И от фронта в стороне,
Эти люди, как солдаты,
Тоже были на войне.

Никогда мы не забудем
Их геройские дела.
Честь и слава этим людям
И народная хвала!

Спать легли однажды дети.
Окна все затемнены,
А проснулись на рассвете:
В окнах свет, и нет войны!

Можно больше не прощаться,
И на фронт не провожать,
И налётов не бояться,
И ночных тревог не ждать.

Отменили затемненье,
И теперь на много лет
Людам только для леченья
Будет нужен синий свет.

Люди празднуют Победу!
Весть летит во все концы:
С фронта едут, едут, едут
Наши братья и отцы!

На груди у всех медали,
А у многих — ордена.

Где они не побывали
И чего не повидали,
И в какие только дали
Не бросала их война!

Не расскажешь в этой были,
Что за жизнь они вели:
Как они в Карпатах стыли,
Где рекой, где морем плыли,
Как в восьми столицах жили,
Сколько стран пешком прошли!

Как на улицах Берлина
В час боёв нашли рейхстаг,
Как над ним два верных сына —
Русский сын и сын грузина —
Водрузили красный флаг.

От Берлина до Амура,
А потом до Порт-Артура,
Что лежит у тёплых вод,
Побывали на Хингане,
Что всегда стоит в тумане,
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

День и ночь бегут вагоны,
По шоссе идут колонны
Фронтowych грузовиков,
И поют аккордеоны
О делах фронтовиков...

Здравствуй, воин-победитель,
Мой товарищ, друг и брат.
Мой защитник, мой спаситель, —
Красной Армии солдат!
Всю войну, в любом селеенье,
В каждом доме и в избе.
Люди думали с волнением
Вспоминали с восхищеньем
И с любовью о тебе.

И везде тобой гордились,
И нельзя найти семьи,
Дома нет, где б не хранились
Фотографии твои:
В скромных рамках над постелью,
На комодe, на стене.
Где ты снят в своей шинели,
Пешим снят иль на коне,
Снят один ли, с экипажем
В обстановке боевой —
Офицер ты или, скажем,
Пехотинец рядовой.

Наконец-то в час желанный
Нашей сбывшейся мечты —
В час победы долгожданной —
В отчий дом вернулся ты!

Но ещё таких немало
Офицеров и солдат,
Смерть которых миновала,
Но в бою задел снаряд.

Если встретишь ты такого,
Молодого, но седого,
Ветерана боевого
(Знак раненья на груди),
Окажи ему услугу,
Помоги ему, как другу,
Равнодушно не пройди!..

Много стран на белом свете.
С незапамятных времён
Населяют страны эти
Много наций и племён:
Белых, жёлтых, чернокожих,
Друг на дружку непохожих
(Я их всех не назову!).
Лишь у нашего народа
Есть желанная свобода

Не во сне, а наяву.
Много стран на белом свете!
Но Советская страна
На большой земной планете
Среди всех других — одна!

За советскую границу
Не сыскать такой страны,
Где бы все могли учиться,
И трудиться, и лечиться,
Были с детства все равны.

Всем, что Родина имеет,
Сообща народ владеет,
Счёт ведёт полям, лесам,
Нивам, пастбищам и водам,
Шахтам, копиям и заводам,
И в пример другим народам
Управляет ими сам!

Мы сказать имеем право,
Что никто не назовёт
Нам другой такой державы,
Где бы правил сам народ,
Где бы мог стоять у власти
Не помещик, не банкир,
А простой рабочий — мастер
И колхозный бригадир.

Выбираемый народом,
Наш, советский депутат
Не дворянским знатен родом
И не золотом богат.

Он богат своей любовью
К той земле, что в грозный час,
Окропив своею кровью,
Он, как мать родную, спас!

Он богат своей свободой
И сознанием того,
Что от имени народа
Он вершит судьбу его!

Будь он пахарь или воин,
Если выбран он в Совет, —
Может каждый быть спокоен:
Лучше избранного нет!

Вот в высокие палаты
Соберутся депутаты:
Белорусс и армянин,
Украинец, молдаванин,
Из Эстонии крестьянин,
Из Кахетии грузин —
Все народы, как один!

Их немало соберётся
Сыновей и дочерей:
И бойцов, и полководцев,
И других богатырей.
Сколько их, людей известных,
Самых мудрых, самых честных:
От испытанных мужей,
Знамя Ленина несущих,
Нашу партию ведущих,
До идущих рядом с ней
Замечательных людей!

С нашей партией любимой
Мы нигде неразделимы.
За народ стоит она,
С нею Родина сильна!

Вот в высокие палаты
Соберутся депутаты,
О делах заговорят.
И появится меж ними —
Стариками, молодыми, —
Как орёл среди орлят,
Самый первый депутат.

Он войдёт — и люди встанут,
И «ура» и «славу» грянут,
Своего узнав отца.

Это он детей народа
Вновь собрал под эти своды,
В зал Кремлёвского дворца.

Это он — великий Сталин —
В дальней дали видел то,
Что другие не видали,
Предсказать не мог никто.

Это он без колебаний
Разгромил и смёл с пути
Всех, кто в годы испытаний
Нам вперёд мешал идти.

Это он, народный гений,
Полководец и солдат,
Нас ведёт, как вёл нас Ленин
Двадцать девять лет назад.

Есть у нас одна забота
И мечта у всех одна:
Чтобы к солнечным высотам
Поднялась опять страна.

Сильной, славной и могучей
От столицы до села,
Много крепче, много лучше,
Чем когда-нибудь была!

Нужно выстроить больницы,
Школы, домны, рудники,
Из немецкой заграницы
Возвратить свои станки.

Строить больше паровозов
И комбайнов для колхозов,
И печатать больше книг.
Чтобы в книжках не нуждался
И отлично занимался
Наш советский ученик.

Нужно всех советских граждан
Накормить, одеть, обуть,
Чтобы был доволен каждый
От души, не как-нибудь!

Дни сражений миновали,
Мы неплохо воевали:
Как солдаты, выполняли
Каждый сталинский приказ.
И сегодня, в мирный час,
Дорогой товарищ Сталин,
Положись опять на нас!

Мы поможем нашей власти
В городах и на селе
Добывать народу счастье
На родной своей земле!

1941—1946 гг.

ТРИ ТОВАРИЩА

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн.
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен.

Стали допрашивать первого,
Долго пытали его, —
Умер товарищ замученный
И не сказал ничего.

Стали второго допрашивать,
Пыток не вынес второй, —
Умер, ни слова не вымолвив,
Как настоящий герой.

Третий товарищ не вытерпел,
Третий язык развязал.
— Не о чем нам разговаривать! —
Он перед смертью сказал.

Их закопали за городом,
Возле разрушенных стен,
Вот как погибли товарищи
В маленьком городе Эн.

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Крест-накрест синие полосы
На окнах съёжившихся хат.
Родные, тонкие берёзки
Тревожно смотрят на закат.

И пёс на тёплом пепелище,
До глаз испачканный в золе,
Он целый день кого-то ищет
И не находит на селе.

Накинув драный зипунишко,
По огородам, без дорог,
Спешит, торопится парнишка
По солнцу, прямо на восток.

Никто в далёкую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел.

В нетопленной, разбитой бане
Ночь скоротавший, как зверёк,
Как долго он своим дыханьем
Озябших рук согреть не мог!

Но по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза,
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза.

Всё видевший, на всё готовый,
По грудь проваливаясь в снег,

Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.

Он знал, что где-то недалече,
Быть может, вон за той горой,
Его, как друга, в тёмный вечер
Окликнет русский часовой.

И он, прижавшийся к шинели,
Родные слыша голоса,
Расскажет всё, на что глядели
Его недетские глаза.

ВЕСТЬ О СЫНЕ

(Из поэмы «Мать»)

...Шла с вёдрами однажды от колодца,
Подходит к дому, видит краснофлотца.
Дух захватило: Гриша у крыльца!
Подходит ближе, видит: нет, не Гриша,
В плечах поуже, ростом чуть повыше
И рыженький, веснучатый с лица.

«Вы будете Хохлова Аграфена?» —
И трубочку похлопал о колено.
«Я самая! Входи, сынок, сюда!»
Помог в сенях поднять на лавку вёдра,
Сам смотрит так улыбочиво и бодро —
Так к матери не входят, коль беда.

А мать стоит, глядит на краснофлотца,
Самой спросить — язык не повернётся,
Зачем и с чем заехал к ней моряк.
Сел краснофлотец: «Стало быть, мамаша,
Здесь ваша жизнь и всё хозяйство ваше!
Как управляетесь одна? Живёте как?»

Мне командир такое дал задание:
Заехать к вам и оказать вниманье,
А если что, — помочь без лишних слов».
«Ты не томи, сынок! Откуда, милый?
И кто послал-то, господи, помилуй?»
«Герой Союза старшина Хохлов!»

Как вымолвил, так с плеч гора свалилась!
Поправила платок, засутилась:
«Такой-то гость! Да что же я сижусь?
Вот горе-то! Живём не так богато —
В деревне нынче с водкой плоховато,
Чем угостить, ума не приложу?»

Пьёт краснофлотец чай за чашкой чашку,
Распарился, хоть впору снять тельняшку,
И, вспоминая жаркие деньки,
Рассказывает гладко и толково.
И мать в рассказ своё вставляет слово:
«Вот как у нас дерутся моряки!»

Где ж он теперь?» «Теперь под Сталинградом,
В морской пехоте». «Значит, с братом рядом?
Там у меня ещё сынок — Илья!
Тот в лётчиках, он у меня крылатый.
Один — рабочий, три ушли в солдаты».
Моряк в ответ: «Нормальная семья!»

Она его накрыла одеялом,
Она ему тельняшку постирала,
Она ему лепёшек напекла,
Крючок ослабший намертво пришила,
И за ворота утром проводила,
И у ворот, как сына, обняла...

ДАНИЛА КУЗЬМИЧ

*«...В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!»*

Некрасов.

Немножечко меньше их, чем Ивановых,
Но всё-таки много на свете Смирновых:
Смирновы — врачи, и Смирновы — шофёры,
Радисты, артисты, танкисты, шахтёры,
Швецы, кузнецы, продавцы, звероловы,
Смирновы — певцы, и портные Смирновы.
Есть дети Смирновы и взрослые тоже,
И все друг на друга ничуть не похожи:
Весёлые, мрачные, добрые, злые —
Смирновы — такие, Смирновы — сякие.
Один из Смирновых попал в эту книжку.

Приехал я раз в небольшой городишко,
На карте отмечен он маленькой точкой:
Географ ему не поставил кружочка.
В том городе были: аптека и баня,
Больница, и школа, и парк для гулянья,
Некрасова улица, площадь Толстого,
Базар и вокзал пароходства речного.
Но, самое главное, в городе этом
Был выросший за год и пущенный лотом,
Кругом огорожен стеной здоровенной,
Завод номерной. Очень важный. Военный.
Из непробиваемой пулями стали
В три смены он делаал для танков детали.
И я вам хочу рассказать про Смирнова,
Который вставал в половине шестого,
Который, с трудом подавляя зевоту,
Спускался с крыльца и спешил на работу,
Где восемь и десять часов, если надо,
Работал как мастер шестого разряда.

Я шёл по заводу, вдруг слышу: — Здорово!
Вот так в первый раз я услышал Смирнова.
— Здорово! — хотел я кому-то ответить,
Кого не успел ещё даже заметить.

— Что ходишь? Что смотришь? — послышалось снова.
И тут в первый раз я увидел Смирнова.

Я знал, что бывают какие-то гномы,
Которые людям по сказкам знакомы.
Я помню, что слышал однажды от сына,
Что жил человечек смешной — Буратино,
Которого ловкий топор дровосека
Из чурки простой превратил в человека.
Но в жизни своей не встречал я такого,
Как этот Смирнов, человечка живого!

В большой, не по росту, казённой тужурке,
В огромной ушанке из кроличьей шкурки,
В таких сапожищах, что я испугался,
Стоял человечек и мне улыбался.

— Как звать? — я спросил.

— По работе кто знает, —

Ответил малыш, — Кузьмичом называет.

Смирновым Кузьмой был покойный папаша,
Данила Кузьмич — будет прозвище наше.

— А сколько вам лет? — я спросил у Смирнова.

— Четырнадцать минуло двадцать восьмого, —

Сердито ответил он басом солидным.

(Должно быть, вопрос показался обидным.)

— Да ты не сердись!

— А чего мне сердиться? —

Кузьмич отмахнулся большой рукавицей. —

Таких-то не мало у нас на заводе.

А ростом другие поменее вроде!

Мы шли с Кузьмичом корпусами завода.

И нас проверяли у каждого входа,

У каждого выхода нас проверяли,

Мы оба свои пропуска предъявляли.

— Куда мы идём? — я спросил у Смирнова,

Но я из ответа не понял ни слова.

Гудели динамо — жуки заводные,

Шуршали, как змеи, ремни приводные,

И масло машинное ниточкой тонкой

Тянулось без усталости над шестерёнкой.

Из непробиваемой пулями стали
Для танков станки штамповали детали.
И вот наконец мы дошли до плаката:

«Берите пример со Смирнова, ребята!
В тылу не расходится дело со словом,
На фронте танкисты гордятся
Смирновым!»

А сам мужичок с ноготок знаменитый
По шумному цеху шагал деловито,
И кто мог подумать, что в эту минуту
Его вспоминали в сражении лютом?..
Смирнов по-хозяйски зашёл за решётку,
Умело взял в руки железную щётку,
Протёр этой щёткой поверхность металла.
Как зеркало, сразу она засияла.
— Включайте рубильник. Готово? — Готово!
И я за работой увидел Смирнова.

У сложной машины на ящичке стоя,
Данила Кузьмич был похож на героя.
Он быстро и смело работал руками:
Резец направлял, управлял рычагами;
И падали на пол, цепляясь друг к дружке,
Витые стальные блестящие стружки.

И понял я, что никакой Буратино
Не смог бы стоять возле этой машины
И что никакие волшебники-гномы,
Которые людям по сказкам знакомы,
Которые силой чудесной владеют,
Творить чудеса, как Смирнов, не сумеют.
И я, человек выше среднего роста,
Себя вдруг почувствовал карликом просто.
Прославим же юного мастерового:
Ткача, скорняка, кузнеца и портного,
Сапожника, токаря и маляра!
Даниле Смирнову и прочим: «Ура!»

СВЕТЛАНА

Ты не спишь,
Подушка смята,

Одеяло навесу...
Носит ветер запах мяты,
Звёзды падают в росу.
На берёзах спят синицы,
А во ржи — перепела...

Почему тебе не спится,
Ты же сонная легла?

Ты же выросла большая,
Не боишься темноты...
Может, звёзды спать мешают?
Может, вынести цветы?

Под кустом лежит зайчиха,
Спать и мы с тобой должны.
Друг за дружкой
Тихо, тихо
По квартирам ходят сны.

Где-то плещут океаны,
Спят медузы на волне.
В зоопарке пеликаны
Видят Африку во сне.
Черепаша рядом дремлет,
Слон стоит, закрыв глаза;
Снятся им родные земли
И над землями — гроза.
Ветры к югу повернули,
В переулках — ни души.
Сонно на реке Амуре
Шевельнулись камыши.
Тонкие качнулись травы.
Лес, как вкопанный, стоит...

У далёкой
У заставы
Часовой в лесу не спит.

Он стоит,
Над ним зарницы,
Он глядит на облака:
Над его ружьём границу
Переходят облака.
На зверей они похожи,
Только их нельзя поймать...

Спи! Тебя не потревожат.
Ты спокойно можешь спать.

Я тебя будить не стану:
Ты до утренней зари
В тёмной комнате,
Светлана,
Сны весёлые смотри.

От больших дорог усталый,
Тёплый ветер лёг в степи.
Накрывайся одеялом,
Спи!..

ВЕСЁЛЫЙ ТУРИСТ

Крутыми тропинками в горы,
Вдоль быстрых и медленных рек,
Минуя большие озёра,
Весёлый шагал человек.

Четырнадцать лет ему было,
И нёс он дорожный мешок,
А в нём полотенце и мыло
Да белый зубной порошок.

Он встретить в пути не боялся
Ни змей, ни быков, ни собак,
А если встречал, то смеялся
И сам приговаривал так:

— Я вышел из комнаты тесной,
И весело дышится мне.

Всё видеть, всё знать интересно,
И вот я хожу по стране.

Он шёл без ружья и без палки
Высокой зелёной травой.
Летали кукушки да галки
Над самой его головой.

И даже быки-забияки
Мычали по-дружески: «М-му!»
И даже цепные собаки
Виляли хвостами ему.

Он шёл по тропам и дорогам,
Волков и медведей встречал,
Но зверь человека не трогал,
А издали только рычал.

Он слышал и зверя и птицу,
В колючие лазил кусты.
Он трогал руками пшеницу,
Чудесные нюхал цветы.

И туча над ним вместо крыши,
А вместо будильника — гром.
И всё, что он видел и слышал,
В тетрадку записывал он.

А чтобы ещё интересней
И легче казалось идти,
Он пел, и весёлая песня
Ему помогала в пути.

И окна в домах открывали,
Услышав, — он мимо идёт,
И люди ему подпевали
В квартирах, садах, у ворот,

И весело хлопали дверью,
И вдруг покидали свой дом.

И самые хищные звери
Им были в пути нипочём.

Шли люди, и было их много,
И не было людям числа.
За ними по разным дорогам
Короткая песенка шла:

«Нам путь незнакомый не страшен,
Мы смело пройдем ледники.
С веселою песенкой нашей
Любые подъёмы легки».

И я эту песню услышал,
Приятеля голос узнал,
Без шапки на улицу вышел
И песенку эту догнал.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

— Я познакомить с ним могу,
Он целый день на берегу.

Мы к морю спустимся с тобой
Знакомой мне тропой,
И мы сойдём на край земли,
Шершавый и рябой.

Ты смело на берег ступи
И за скалу зайди.
Четыре шляпки на цепи
Увидишь впереди.

Четыре шляпки на цепи, —
Смотри, ногой не зацепи!

Ты обещаешь ничего
Не спрашивать его,

Не лезть к сетям и парусам,
Ко всем другим снастям.
Он всё тебе покажет сам,
Он всё тебе расскажет сам,
Как всем своим гостям.

— А что он может показать?
— Он может показать,
Как два конца каната взять,
Морским узлом связать,
Как ловят крабов между скал,
Которых ты искал,

И как в воде держать весло,
Чтобы в Стамбул не унесло!

Он спустит шляпку на волну,
Из четырёх одну,
И только крикнет: «Эй, смотри,
Воды не набери!
Ровней сиди, правой бери,
Под солнцем не сгори!»

А если шляпку унесёт,
И ты хлебнёшь воды,
И если он тебя спасёт, —
Двухсотым будешь ты!
Сто девяносто девять раз
Он говорил: «Ну, вот,
Какое дело! Спас, так спас!
Пусть человек живёт!»

Постой! Мне кажется, сейчас
Он сам сюда идёт.
К нему я первый подойду.
А ты уже за мной...
Ты слышишь, как у нас в саду
Запахло вдруг волной?

ПРО СОМА

Широка и глубока
Под мостом текла река.
Под корягой,
Под мостом,
Жил в реке усатый сом.

Он лежал на дне
Часами,
Шевелил во сне
Усами.

А на берегу реки
Жили-были рыбаки.
В дождь и в солнечные дни
Сети ставили они.

И спросонья
На рассвете
Заходили рыбы в сети.
Попадался карп горбатый,
Попадался — пропадал.

Только сом,
Большой,
Усатый,
Никогда не попадал.

Он лежал,
И, кроме ила,
Кроме всяческой еды,
Над его корягой было
Метров пять речной воды.

Говорит один рыбак:
— Не поймать сома никак.
Или снасти не крепки?
Или мы не рыбаки?

Неужели в этот раз
Он опять уйдёт от нас?

За рекой стада мычат,
Петухи к дождю кричат.
Сеть лежит на берегу,
Из неё усы торчат.

Говорит один рыбак:
— Ну, поймали кое-как.
Шевельнув сома ногой:
— Не ушел! — сказал другой.

Но свернулся колесом
И хвостом ударил сом.
Вспомнил речку голубую,
Вспомнил рыбку молодую
Да корягу под мостом
И... ушёл!

КАК СТАРИК НА РЫНКЕ КОРОВУ ПРОДАВАЛ

(П р и т ч а)

На рынке корову старик продавал,
Никто за корову цены не давал.
Хоть многим была коровёнка нужна,
Но, видно, не нравилась людям она.

- Хозяин, продашь нам корову свою?
- Продам. Я с утра с ней на рынке стою!..
- Не много ли просишь, старик, за неё?
- Да где наживаться? Вернуть бы своё!..
- Уж больно твоя коровёнка худа!
- Болеет, проклятая. Прямо беда!..
- А много ль корова даёт молока?
- Да мы молока не видали пока...

Весь день на базаре старик торговал,
Никто за корову цены не давал.

Один паренёк пожалел старика:
— Папаша, рука у тебя не легка!
Я возле коровы твоей постою,
Авось, и загоним худобу твою!..

Идёт покупатель с тугим кошельком,
И вот уж торгуется он с пареньком:
— Корову продашь?
— Покупай, коль богат!
Корова, гляди, — не корова, а клад!..
— Да так ли? Уж выглядит больно худой!
— Не слишком жирна, да хороший удой!..
— А много ль корова даёт молока?
— Не выdoiшь за день: устанет рука...

Старик посмотрел на корову свою:
— Зачем я, Бурёнка, тебя продаю?
Корову свою не продам никому,
Такая скотина нужна самому!

РИСУНОК

Я карандаш с бумагой взял,
Нарисовал дорогу,
На ней быка нарисовал,
А рядом с ним корову.

Направо дождь, налево сад.
В саду пятнадцать точек,
Как будто яблоки висят,
И дождик их не мочит.

Я сделал розовым быка,
Оранжевой — дорогу,
Потом над ними облака
Подрисовал немного.

И эти тучи я потом
Проткнул стрелой. Так надо,
Чтоб на рисунке вышел гром
И молния над садом.

Я чёрным точки зачеркнул,
И означало это,
Как будто ветер вдруг подул —
И яблоч больше нету.

Ещё я дождик удлинил —
Он сразу в сад ворвался,
Но нехватило мне чернил,
А карандаш сломался.

И я поставил стул на стол,
Залез как можно выше
И там рисунок приколол,
Хотя он плохо вышел.

А ЧТО У ВАС?

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:

— А у меня в кармане гвоздь,
А у вас?
— А у нас сегодня гость.
А у вас?

— А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюда не хотят.

— А у нас на кухне газ.
А у вас?
— А у нас водопровод.
Вот!

— А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка —
Только улица немножко.

— Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный, красный шар.

— А у нас огонь погас —
Это раз.
Грузовик привёз дрова —
Это два.
А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
— Мама-лётчик?
Что ж такого!
Вот у Коли, например,
Мама — милиционер.

А у Толи и у Веры
Обе мамы — инженеры.
А у Лёвы мама — повар.

Мама-лётчик?
Что ж такого!

— Всех важней, — сказала Ната, —
Мама-вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
— Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну, конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты —
Это очень хорошо.
Повар делает компоты —
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.
Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

ПОРΟΣЯТА

(Из Л. Квитко)

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят.
Мы их не обидим,
Поглядим и выйдем.

— Уходите со двора,
Лучше не просите:
Поросят купать пора,
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят
И потрогать спинки:
Много ли щетинки?

— Уходите со двора,
Лучше не просите:
Поросят кормить пора.
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят,
Рыльца — пяточками,
Хвостики — крючками.

— Уходите со двора,
Лучше не просите:
Поросятам спать пора.
После приходите.

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят...
— Уходите со двора,
Потерпите до утра!
Мы уже фонарь зажгли,
Поросята спать легли.

ПТИЧЬЕ РАДИО

(Из Ю. Тувима)

«Внимание! Внимание!
Сегодня, в пять часов,
Работать будет станция
Для рощ и для лесов!
Сегодня в нашу студию
(Внимание! Внимание!)
Слетятся птицы разные
На радиособрание!

Во-первых, по вопросу:
Когда, в каком часу
Удобнее и выгодней
Использовать росу?

Второй вопрос назрел давно:
Что Эхом называется?
И если есть в лесу оно,
То где оно скрывается?
По третьему вопросу
Докладывает Дрозд,
Назначенный заведывать
Ремонтом птичьих гнёзд.

Потом начнутся прения:
И свист, и скрип, и пение,
Урчанье и пиликанье,
И щебет, и чириканье.
Начнутся выступления
Скворцов, щеглов, синиц
И всех, без исключения,
Других известных птиц.

«Внимание! Внимание!
Сегодня, в пять часов,
Работать будет студия
Для рощ и для лесов!..»

Наш приёмник в пять часов
Принял сотню голосов:
«Фиур-фиур! Фью-фью-фью!
Чик-чирик! Тью-тью-тью-тью!
Пиу-пиу! Цвир-цвир-цвир!
Чиви-чиви! Тыр-тыр-тыр!
Спать-пать-пать! Чу-ик, чу-ик!
Тень-тень-тень! Цик-цик! Цик-цик!
Гур-гур-гур! Ку-ку! Ку-ку!
Ко-ко-ко! Ку-ка-ре-ку!
Карр! Карр! Пи-ить! Пи-ить!..»

Мы не знали, как нам быть!
Очевидно, в этот час
Передача не для нас!

ДЯДЯ СТЁПА

В доме восемь дробь один,
У заставы Ильича,
Жил высокий гражданин,
По прозванию «Каланча»,

По фамилии Степанов,
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

Уважали дядю Стёпу
За такую высоту.
Шёл с работы дядя Стёпа —
Видно было за версту.

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги.
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки,
Он разыскивал штаны
Небывалой ширины.

Купит с горем пополам,
Повернётся к зеркалам —
Вся портновская работа
Разъезжается по швам!

Он через любой забор
С мостовой глядел во двор.
Лай собаки поднимали:
Думали, что лезет вор.

Брал в столовой дядя Стёпа
Для себя двойной обед.
Спать ложился дядя Стёпа —
Ноги клал на табурет.

Сидя, книги брал со шкапа,
И не раз ему в кино
Говорили: «Сядьте на пол:
Вам, товарищ, всё равно!»

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:
Пропускали дядю Стёпу:
Думали, что чемпион.

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
Где живёт.

Потому что всех быстрее,
Без особенных трудов
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов.

И того, кто ростом мал,
На параде поднимал,
Потому что все должны
Видеть армию страны.

Все любили дядю Стёпу,
Уважали дядю Стёпу:
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.

Он домой спешит с Арбата.
— Как живёшь? — кричат ребята.
Он чихнёт — ребята хором:
— Дядя Стёпа, будь здоров!

Дядя Стёпа утром рано
Быстро вскакивал с дивана,
Окна настежь открывал,
Душ холодный принимал.
Чистить зубы дядя Стёпа
Никогда не забывал.

Человек сидит в седле,
Ноги тащит по земле —
Это едет дядя Стёпа
По бульвару на осле.
— Вам, — кричат Степану люди, —
Нужно ехать на верблюде!

На верблюде он поехал —
Люди давятся от смеха:
— Эй, товарищ, вы откуда?
Вы сломаете верблюда!
Вам, при вашей вышине,
Нужно ехать на слоне!

Дяде Стёпе две минуты
Остаётся до прыжка.
Он стоит под парашютом
И волнуется слегка.
А внизу народ хохочет:
— Вышка с вышки прыгать хочет!

В тир, под низенький навес,
Дядя Стёпа еле влез.
— Разрешите расплатиться?
Получите два рубля!
Я стреляю в эту птицу
И в названье корабля!

Оглядев с тревогой тир,
Говорит в ответ кассир:
— Вам придётся на колени,
Дорогой товарищ, встать:
Вы же можете мишени
Без ружья, рукой достать!

До утра в аллеях парка
Будет весело и ярко,
Будет музыка греметь,
Будет публика шуметь.

Дядя Стёпа просит кассу:
— Я пришёл на карнавал.
Дайте мне такую маску,
Чтоб никто не узнавал!

— Вас узнать довольно просто, —
Раздаётся дружный смех, —
Мы узнаем вас по росту:
Вы, товарищ, выше всех!

Что случилось?
Что за крик?
— Это тонет ученик!
Он упал с обрыва в реку.
Помогите человеку!
На глазах всего народа
Дядя Стёпа лезет в воду.

— Это необыкновенно! —
Все кричат ему с моста. —
Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места!

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.

Дядя Стёпа в этот раз
Утопающего спас.
За поступок благородный
Все его благодарят.
— Попросите что угодно, —
Дяде Стёпе говорят.

— Мне не нужно ничего!
Я задаром спас его!

Паровоз летит, гудит.
Машинист вперёд глядит.
Машинист у полустанка
Кочегару говорит:

— От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
Но готов идти на спор:
Это новый семафор.

Подъезжает к семафору.
Что такое за обман?
Никакого семафора:
У пути стоит Степан.

Он стоит и говорит:
— Здесь дождями путь размыт.
Я нарочно поднял руку —
Показать, что путь закрыт.

Что за дым над головой?
Что за гром по мостовой?
Дом пылает за углом,
Сто зевак стоит кругом,
Ставит лестницы команда,
Из брандспойтов тушат дом.

Весь чердак уже в огне,
Бьются голуби в окне.

На дворе в толпе ребят
Дяде Стёпе говорят:
— Неужели вместе с домом
Наши голуби сгорят?

Дядя Стёпа с тротуара
Достаёт до чердака.
Сквозь огонь и дым пожара
Тянется его рука.

Он окошко открывает,
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
А за ними — воробей.

Все Степану благодарны:
Спас он птиц, — и потому
Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

Но пожарникам в ответ
Говорит Степанов: — Нет!
Я на флот служить пойду,
Если ростом подойду!

В коридоре смех и топот,
В коридоре гул речей.
В кабинете — дядя Стёпа
На осмотре у врачей.

Он стоит. Его нагнуть
Просит вежливо сестра.
— Мы не можем дотянуться! —
Объясняют доктора. —

Всё, от зрения до слуха,
Мы исследуем у вас:
Хорошо ли слышит ухо?
Далеко ли видит глаз?

Дядю Стёпу осмотрели,
Проводили на весы
И сказали: — В этом теле
Сердце бьётся, как часы!
Рост велик, но ничего.
Примем в армию его!

Но вы в танкисты не годитесь:
В танке вы не поместитесь!
Вы в пехоту не годны:
Из окопа вы видны!
С вашим ростом в самолёте
Неудобно быть в полёте:
Ноги будут уставать:

Вам их некуда девать!
Для таких, как вы, людей
Нет на фронте лошадей!
А на флоте вы нужны.
Послужите для страны!

— Я готов служить народу, —
Раздаётся стёпин бас. —
Я пойду в огонь и в воду!
Посылайте хоть сейчас!

Нелюдимо наше море,
Неспокойно в дни войны.
Днём и ночью на линкоре
Пушки все заряжены.

Глаз усталых не смыкает
Дядя Стёпа — старшина.
Без бинокля гладь морская
Хорошо ему видна.

Вдруг увидел дядя Стёпа
Километрах в двадцати
Что-то вроде перископа
У линкора на пути.

Так и есть! Глядит моряк:
Под водой таится враг!
Залп один, за ним другой —
Тонут немцы под водой.

Дядя Стёпа улыбнулся,
К морю синему нагнулся,
Из пучины тёмных вод
Флаг немецкий достаёт —
Мокрый флаг, линючий флаг,
Под которым плавал враг.

— Отслужила тряпка фрицам! —
Заявляет старшина. —

Но в хозяйстве пригодиться
Может всё-таки она.

Если свастикку содрать,
Тряпку с мылом простирять, —
Приколотим на пороге,
Будем ноги вытирать!

Вот прошли зима и лето,
И опять пришла зима.
— Дядя Стёпа, как ты? Где ты?
Нету с моря нам ответа:
Ни открытки, ни письма...

И однажды мимо моста
К дому восемь дробь один
Дяди стёпиного роста
Двигается гражданин.

Кто, товарищи, знаком
С этим видным моряком?

Он идёт.
Скрипят снежинки
У него под каблуком.

В складку форменные брюки,
Он в шинели под ремнём,
В шерстяных перчатках руки,
Якоря блестят на нём.

Вот моряк подходит к дому,
Всем ребятам незнакомый.
И ребята тут ему
Говорят: — А вы к кому?

Дядя Стёпа обернулся,
Поднял руку к козырьку
И ответил: — Я вернулся.

Дали отпуск моряку.
Ночь не спал. Устал с дороги:
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну. Надену китель.
На диване полежу.
После чая заходите —
Сто историй расскажу!
Про войну и про бомбёжку,
Про большой линкор «Марат»,
Как я ранен был немножко,
Защищая Ленинград.

И теперь горды ребята —
Пионеры, октябрята, —
Что знакомы с краснофлотцем,
С настоящим моряком.

Он домой идёт с Арбата.
— Как живёшь? — кричат ребята.
И теперь зовут ребята
Дядю Стёпу «Маяком».

1935—1943 гг.

ЗАЯЦ ВО ХМЕЛЮ

(Б а с н я)

В день именин, а может быть, рожденья,
Был Заяц приглашён к Ежу на угощенье.
В кругу друзей, за шумною беседой,
Вино лилось рекой. Сосед поил соседа.
И Заяц наш, как сел,
Так, с места не сходя, настолько окосел,
Что, отвалившись от стола с трудом,
Сказал: «П-пошли домой!» «Да ты найдёшь ли дом?» —
Спросил радушный Еж. —
Поди, как ты хорош!
Уж лёг бы лучше спать, пока не протрезвился!
В лесу один ты пропадёшь:

Все говорят, что Лев в округе объявился!»
Что Зайца убеждать? Зайчишка захмелел.
«Да что мне Лев!— кричит.— Да мне ль его бояться?
Я как бы сам его не съел!
Подать его сюда! Пора с ним расчитаться!
Да я семь шкур с него спущу
И голым в Африку пущу!..»
Покинув шумный дом, шатаюсь меж стволов,
Как меж столов,
Идет Косой, шумит по лесу тёмной ночью:
«Видали мы в лесах зверей почище львов,
От них и то летели клочья!..»
Проснулся Лев, услышав пьяный крик:
Наш Заяц в этот миг сквозь чащу продирался.
Лев — цап его за воротник!
«Так вот кто в лапы мне попался!
Так это ты шумел, болван?
Постой, да ты, я вижу, пьян,
Какой-то дряни нализался!»
Весь хмель из головы у Зайца вышел вон...
Стал от беды искать спасенья он:
«Да я... Да вы... Да мы... Позвольте объясниться!
Помилуйте меня!.. Я был в гостях сейчас.
Там лишнего хватил. Но всё за Вас!
За Ваших Львят! За вашу Львицу!
Ну, как тут было не напиться!»
И, когти подобрав, Лев отпустил Косого.
Спасён был хвастунишка наш!

Лев пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного,
Но обожал... подхалимаж.

ЛИСА И БОБЁР

(Б а с н я)

Лиса заметила Бобра:
И в шубе у него довольно серебра,
И он один из тех Бобров,
Что из семейства мастеров, —

Ну, словом, с некоторых пор
Лисе понравился Бобёр!
Лиса ночей не спит: «Уж я ли не хитра?
Уж я ли не ловка к тому же?
Чем я своих подружек хуже?
Мне тоже при себе пора
Иметь Бобра!»

Вот Лисанька моя, охотясь за Бобром,
Знай, вертит перед ним хвостом,
Знай, шепчет нежные слова

О том, о сём...

Седая у Бобра вскружилась голова,
И, потеряв покой и сон,
Свою Бобриху бросил он,

Решив, что для него, Бобра,
Глупа Бобриха и стара...

Спускаясь как-то к водопою,
Окликнул друга старый Ёж:

«Привет, Бобёр! Ну, как живёшь

Ты с этой... как её... с Лисою?»

«Эх, друг! — ему Бобёр в ответ. —
Житья-то у меня и нет!

Лишь утки на уме у ней да куры:

То ужин — там, то здесь — обед!

Из рыжей стала чернобурой!

Ей всё гулять бы и рядиться,

Я — в дом, она, плутовка, — в дверь!

Скажу тебе, как зверю зверь:

Поверь,

Сейчас мне впору хоть топиться!..

Уж я подумывал, признаться,

Назад к себе домой податься!

Жена простит меня, Бобра.

Я знаю, как она добра...»

«Беги домой! — заметил Ёж. —

Не то, дружище, пропадёшь!..»

Вот прибежал Бобёр домой:

«Бобриха, двери мне открой!»

А та в ответ: «Не отпру!

Иди к своей Лисе в нору!»
Что делать? Он к Лисе во двор
Пришёл. А там — другой Бобёр!

Смысл басни сей полезен и здоров
Не так для рыжих Лис, как для седых Бобров!

ДВЕ ПОДРУГИ

(Ба с ня)

«Красиво ты живёшь,
Любезная сестрица! —
Сказала с завистью в гостях у Крысы Мышь. —
На чём ты ешь и пьёшь,
На чём сидишь,
Куда ни глянешь, — всё из-за границы!»
«Ах, если б, душенька, ты знала, —
Со вздохом Крыса отвечала, —
Я вечно что-нибудь ищу!
Я день-деньской в бегах за заграничным,
Всё наше кажется мне серым и обычным,
Я лишь заморское к себе в нору тащу:
Вот волос из турецкого дивана!
Вот лоскуток персидского ковра!
А этот нежный пух достали мне вчера.
Он африканский. Он от Пеликана!»
«А что ты ешь? — спросила Крысу Мышь. —
Есть то, что мы едим, тебе ведь не пристало!»
«Ну, милая! — ей Крыса отвечала. —
Тут на меня ничем не угодишь!
Вот разве только хлеб я ем и сало!..»

Я знаю, есть ещё семейки,
Где наше хают и бранят,
Где с умилением глядят
На заграничные наклейки...
А сало... русское едят!

ТЕКУЩИЙ РЕМОНТ

(Б а с н я)

«Иван Тарасович, а я к тебе по делу!»
«Ну, в чём твоя нужда?» «Да, мне немного мелу!

Пока стоят хорошие деньки,
Хотим мы побелить в конторе потолки,
И мелу сущие нам нужно пустяки!»
«Ты больно скор, тут надобно решенье!»
«Да ведь горит у нас!..» «А ты имей терпенье.
Такой вопрос нельзя решать сплеча

И сгоряча.

Здесь важно мнение Степана Кузьмича!
Посмотрит Клим Фомич и даже сам, быть может,
Матвею Саввичу доложит,
А тот поставит на совет,

И уж совет решит: белить вам или нет!..»
«Ну и дела у вас!..» «Сам видишь: не гуляем!

Как в полдень сходимся, — расходимся в рассвет,
А иногда и сутки заседаем.
Мне домом стал родным служебный кабинет!..»

В основу басни сей я взял нарочно мел,
Чтоб не затронуть поважнее дел!

АРБУЗ

(Б а с н я)

Арбуз, что из земли тянул нещадно соки,
Что более других лежал на солнцепёке

И вырос до такой величины,

Что все другие кавуны

С ним оказались не равны, —

Перед собратьями своими возгордился:
«Я тяжелее всех, каков же я на вкус?!
Всяк скажет про меня: «Арбуз — так уж арбуз!..»
Так до тех пор он хвастал и кичился,

Пока в хозяйских вдруг руках не очутился,
А как попал под нож,
То оказался уж не так хорош:
Что толку, что велик? Велик да толстокож!
На цвет — да как сказать? — не бел, но и
не красен!
На вкус — трава травой...

Смысл этой басни ясен:
Иной, глядишь, и говорит пестро,
Осанка — хоть куда, так важно носит пузо,
Аковырни его да загляни в нутро —
Оно, как у того арбуза.

СЛОН-ЖИВОПИСЕЦ

(Б а с н я)

Слон-живописец написал пейзаж,
Но раньше, чем послать его на верниссаж,
Он пригласил друзей взглянуть на полотно:
Что, если вдруг не удалось оно?
Вниманием гостей художник наш польщён.

Какую критику сейчас услышит он?
Не будет ли жесток звериный суд?
Низвергнут? Или вознесут?
Ценители пришли. Картину Слон открыл.
Кто дальше встал, кто подошёл поближе.

«Ну, что же, — начал Крокодил, —
Пейзаж хорош! А Нила я не вижу!..»
«Что Нила нет, в том нет большой беды! —
Сказал Тюлень. — Но где снега? Где льды?»

«Позвольте! — удивился Крот. —
Есть кое-что важней, чем лёд!
Забыл художник огород!»
«Хрю-хрю! — заметила свинья. —
Картина удалась, друзья!
Но с точки зренья всех свиной,
Должны быть жолуди на ней».
Все пожеланья принял Слон.
Опять за краски взялся он
И всем друзьям по мере сил
Слоновой кистью угодил,
Изобразив снега и лёд.
И Нил, и дуб, и огород.
И даже — мёд!
(На случай, если вдруг Медведь
Придёт картину посмотреть...)
Картина у Слона готова.
Друзей созвал художник снова.
Взглянули гости на пейзаж,
И все сказали: «Ералаш!»

Мой друг! Не будь таким слоном:
Советам следуй, но с умом!

СОДЕРЖАНИЕ

| | Стр. |
|-------------------------------------|------|
| Быль | 3 |
| Три товарища | 13 |
| Десятилетний человек | 14 |
| Весть о сыне | 15 |
| Данила Кузьмич | 17 |
| Светлана | 20 |
| Весёлый турист | 21 |
| Хороший человек | 23 |
| Про сома | 25 |
| Как старик на рынке корову продавал | 26 |
| Рисунок | 27 |
| А что у вас? | 28 |
| Поросята | 30 |
| Птичье радио | 31 |
| Дядя Стёпа | 33 |
| Зяц во хмелю | 41 |
| Лиса и Бобёр | 42 |
| Две подруги | 44 |
| Текущий ремонт | 45 |
| Арбуз | 45 |
| Слон-живописец | 46 |

Ответственный редактор — А. Сурков.

А 13374. Подписано к печ. 25/ХІІ—46 г. Тираж 100 000. Зак. 2462.

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.